

Когда он впервые попробовал на вкус рамен из Ичираку, Наруто было три года от роду. (Когда он впервые попробовал рамен из Ичираку, Наруто, на самом деле, был один год, десятого октября, когда пробил полночь, но он этого не помнит). Мужчина и девушка стоят за тяжелой деревянной стойкой. Старик говорит: "Это — дядя Теучи". Он говорит: "Её зовут Аяме-нээ-чан". Он высок, обветрен, и напоминает Старика Хокаге. Она маленькая, носит белую рубашку и её волосы заплетены в косы. У Наруто никогда раньше не было дяди или старшей сестры.

Воздух пахнет чесночным маслом.

Они улыбаются ему и Раме. Их глаза щурятся. Ничьи больше глаза так не делают.

— Впервые здесь? — спрашивает дядя Теучи.

А потом он достает для Наруто три миски самого вкусного рамена в мире. Он самый-самый лучший. Бульон горячий и идеальный, свинина нежная и идеальная, даже брюссельская капуста хрустяще-солёная, вместо кашеобразной и дурацкой. Ощущения похожи на удар прямо в его рот, звезда цвета. Наруто приканчивает три миски, а потом крадёт рамину, потому что Рама всегда съедает только половину своей еды.

Дядя Теучи и Аяме-нээ-чан улыбаются ему губами и глазами всё то время, пока Наруто ест рамен. Они улыбаются губами и глазами каждый раз, когда он возвращается, снова и снова, таща Раму вместе с собой. "Как прошёл твой день?" — каждый раз спрашивает дядя Теучи. "Ты сделал что-нибудь классное?" — каждый раз спрашивает Аяме-нээ-чан. Рамен особенно, особенно хорош, даже лучше, чем нормальный рамен, в разы лучше, чем нормальный рамен. Каждый укус это взрыв, звёзды цвета. Он заставляет его чувствовать себя тепло, а еще покалывание в желудке, и это ощущение, которое он хочет сохранить навечно. Он ест больше рамена, пытаясь удержать его. Он задаётся вопросом, есть ли там секретный ингредиент.

Аяме-нээ-чан говорит ему:

— Ага, папа всегда так говорит, — а потом, шёпотом. — Мы кладём туда любовь, знаешь?

— Любовь? — повторяет Наруто и смотрит на неё, а потом краем взгляда на Раму. Он смотрит обратно на свою миску рамена со свинными рёбрышками, по-прежнему горячую.

Он не знал, что любовь можно положить в рамен. Старик говорил шуточки о том, чтобы класть любовь в людей, но не рамен. Такой и должна быть любовь, задаётся он — ударом в рот, звёздами цвета? Покалыванием, словно от холодной газировки, шипящей в его животе? Он никогда не ел любовь раньше, но это делало всё столь ясным. Это было так великолепно. Даже Рама иногда улыбается, когда он ест рамен-данго.

Рамен — это любовь, сжатая в лапшу, бульон и лакированную миску. Разумеется именно поэтому рамен всегда так хорош — Наруто ел любовь всё это время: дяди Теучи в Ичираку, и других людей в быстрозавариваемом рамене, что не так вкусно, как у дяди Теучи, но всё равно

здорово.

— Вау, — говорит он.

Это супер-пупер секрет. Любовь это рамен, рамен это любовь. Рамен — это любовь в упаковке. И, очевидно, когда он ест рамен, любовь может удобно сидеть в его желудке.

— Вау, — говорит он, громче, глядя очарованными глазами вниз. И это — фейерверк, вдохновение, удар и выстрел цвета, свист в его голове.

***

В течение последующих двух дней Наруто забывает на свои планы по становлению Хокаге ради планов по становлению миской рамена. Рамен — это упакованная любовь, переданная и принятая, и у него есть много-много любви, чтобы её упаковывать. Он не до конца понимает, что именно из себя представляет любовь (это покалывающие чувства, щурящиеся глаза и широкие-широкие улыбки), но он знает — он знает — что если он любит кого-то, и они любят его в ответ, они не будут странно на него смотреть.

Это означает заботиться.

Старик Хокаге говорит ему, что невозможно превратиться в миску с раменом. Наруто это не отпугивает. Рама говорит ему, что это физически невозможно, а ещё бла-бла-бла, конверсия массы, бла-бла-бла, распределение чакры, бла. Наруто дует час, а потом переключает передачи и решает стать учеником (по приготовлению рамена!) дяди Теучи, только чтобы дядя Теучи сказал ему, что нужно быть четырнадцать лет от роду, чтобы поступить в ученичество, то есть офигеть каким старым.

Ладно. Он пойдёт и сначала станет Хокаге. Он будет двойной угрозой, Хокаге который готовит рамен.

(Вот что это такое — фейерверк, вдохновение, удар-выстрел цвета. Давай и бери.

Иногда, впрочем, это меньше давай, меньше бери и больше свободного падения с края обрыва. Два шага вперёд и он крутится в воздухе, чувствуя ветер в своих волосах, ссаживая колени и ударяясь локтями на пути вниз.

Так оно и происходит. Так оно всегда и происходит).

***

О падении

***

Ему было два месяца до шести, и мальчик с щенком за пазухой только что назвал его "пахнувшим горелым чудиком". Первая в жизни вещь, которую Наруто сделал Инузуке Кибе, это ударил его по лицу. Он попадает Кибе в челюсть, роняет его в траву. Щенок у него за пазухой выскакивает и кувыркается в сторону. Две секунды спустя Киба вскакивает на ноги, чтобы боднуть Наруто в дерево.

Киба оставляет ему разбитую губу, кровоточащий нос и новую дырку в футболке. Наруто оставляет Кибе два фонаря под глазами и впечатляющий тёмный синяк на подбородке.

— Эй, — говорит он, когда они оба тяжело дышат под полуденной жарой, слишком усталые даже для того, чтобы таскать друг друга за волосы. Он широко улыбается, с зубами и тёмными, сияющими глазами. — Я — Киба, чудик. Давай повторим когда-нибудь.

Он поднимает свой кулак. Наруто пялится на него, на перепачканные травой костяшки. А потом улыбается немного кроваво, и говорит:

— Ага!

Они ударяются кулаками.

Это как фейерверк, вдохновение, удар-выстрел цвета.

Падение.

***

Ему пять лет от роду, когда Учиха Микото впервые берёт его за руку. Сейчас лето в громком-громком-громком гудении рынка, и она — самый красивый человек, которого Наруто когда-либо видел. Её юката тёмно-синего цвета, её волосы длинные, прямые и чёрные, падающие на одно из её плеч, она говорит ему: "Очень приятно познакомиться с тобой, Наруто-кун", ему, ему, и он не может прекратить смотреть на неё. Она говорит: "Очень приятно познакомиться с тобой", одновременно улыбаясь. На её щеках появляются ямочки, когда она улыбается. Её глаза тёмные и красивые, как камни в реке.

Она берёт его за руку.

Она делает это так, словно это нормально, обыденно. Она обхватывает его руку своей и она тёплая; это не мягкая рука, но она тёплая.

И это единственное, что имеет значение.

Он едва замечает, когда она тянет его через рынок, вместе с Итачи-саном, Рамой и Утиным Задом. Он слишком занят тем, что шевелит пальцами, пытаясь понять, реально ли всё это — реальна ли эта рука — и это так, это так, и она говорит ему — Утиному Заду, Итачи-сану и Раме — но в основном ему: "Вы собирались пойти в Ичираку, мальчики?". У неё глаза, словно камни в реке, и улыбка с ямочками, и Наруто смотрит на неё, и это удар-выстрел цвета в его груди, некое огромное и взрывающееся восхищение, что дрожит, рёв фейерверка, который заглушает всё остальное, потому что сейчас он падает, в этот кусочек секунды, вниз, вниз, вниз.

***

Ему пять лет от роду, сейчас лето, и у Утинога Зада глупая причёска и злой удар с правой, и глаза, которые не смотрят в другую сторону, ни на секунду, но Итачи-сан, Итачи-сан даёт ему мороженное и платит за него. Он ест шоколадное и ванильное мороженное, которое тает на языке, посыпку, которая хрустит между зубов, и это похоже на рамен, с газировкой в его крови, бабочками в животе, любовью-любовью-любовью между зубов, и смотрит на Утиный Зад с орео на его щеке и молоком на подбородке, улыбающегося Итачи-сана, такой тихой улыбкой, и братья идут комплектами, в конце концов.

***

Пёс приходит, Пёс уходит, Пёс больше, чем просто одна встреча.

Ни у кого из других детей нет Пса, как у него. Ему четыре года от роду и он только впервые идёт в Академию, когда он осознаёт, что Пес особенный, что Пёс это не постоянная в жизни людей, которые не Рама или Наруто. Никто из других детей не имеет типа-человека с красно-белой маской вместо лица, одетого в чёрное и серебряное, который забирает их из Академии и даёт им игрушки, взятые из воздуха, который пахнет лаком и ржавыми гвоздями.

— Ты — дух? — спрашивает он. Ему четыре года от роду и они только что читали народные сказки в классе. — Или... или крёстная фея? — он лихорадочно хлопает маленькими руками по красным полоскам на лице Пса, глядя в прорези для глаз в поисках признаков магии и феиности.

— Нет, — отвечает Пёс после долгой паузы. — Может быть, призрак. Или воспоминание.

***

Может быть поэтому Псу нужно было уходить — потому что он был призраком, а призраки не могут задерживаться надолго. Ему было четыре года от роду, шёл февраль, и Пёс ушёл, Пёс всегда уходит прочь, но он вернётся, он вернётся, он должен вернуться, четыре года от роду, наблюдая, как на улице снег превращается в слякоть, и зная — чувствуя, как удар-выстрел осознания тошнотворно пронзает его желудок — что прошли недели и недели, что когда Пёс уходит весной, он уходит очень надолго, на целую смену сезонов.

Ему три года от роду, и Пёс вернулся. Сейчас апрель, и Наруто радостно визжит, бросается через всю комнату, требует: "Вверх, вверх, вверх!". Они по-прежнему в приюте, где другие дети его не любят, где они не коснутся его, но Пёс коснётся, прямо как Рама. Конфеты и шоколадки упархивают из карманов Пса. Наруто карабкается на него, словно на дерево, и тянет за его серебряные волосы, пытается схватиться за жёлтую фольгу, которая упархивает с его пальцев, принимая новые, интересные формы, и он смеётся, смеётся, словно фейерверк, вдохновение, яркая звезда в его груди.

И ему три года от роду, и идёт март, когда Пёс уходит. И ему два года от роду, и идёт июнь, и Пёс вернулся. И ему восемь месяцев от роду, когда Пёс уходит в первый раз, и он не помнит этого. Он не помнит, как ему было восемь месяцев от роду, и эту хватку неизвестного, непостижимого чувства, как тянулся крошечными детскими пальцами, чтобы коснуться керамики маски Пса, как его держали на руках, как он вполголоса лепетал в сгиб шеи Пса: "Ину-Ину".

(Это были его первые в жизни слова.)

***

Каждую вторую субботу они идут в офис Старика Хокаге (каждую вторую субботу прежде, чем они были достаточно взрослыми, чтобы ходить, Старик навещает задние комнаты в приюте, где они спят), едят штуки из сахара, муки и сладких чаёв, солнце рисует косые линии на полу, и ему три года от роду, и это первый раз, когда он додумывается спросить, потому что он правда не знает:

— Эй, Старик, а что ты делаешь?

— Я — Хокаге, — отвечает Старик, выдыхая дым и разбирая документы.

Он пока не знает, что означает это слово. Ему три года, и всё о них взаимозаменяемо, о Старике и Хокаге, ближайшему человеку к деду, которого Наруто будет когда-либо иметь. Три года от роду, и вот что значит быть Хокаге: куча бумаг, дурацкая шляпа Старика, сахар и солнце,

падающее косыми линиями сквозь стёкла по субботам. Он не знает о великолепии и уважении, только эти тихие утра суббот вдали от приюта, поедание торта, и этого достаточно, это первые фейерверки, разворачивающиеся, мысль: "Я тоже хочу этим быть."

***

У него нет многих вещей. Ему два с половиной года от роду, и он знает это. У него нет родителей, и среди всех вещей, которых у него нет, это одна из самых важных. Он знает это. Ни у кого в приюте, впрочем, нет родителей, так что само по себе это неважно. Но у других родителей есть — напоминания, порой. Обычно. Как воспоминание, или безделушка, или наследие, или имя. У него нет ничего подобного. Поэтому, неважно как часто Старик говорит ему обратное, он всё равно задаётся вопросом, не был ли он оставлен аистом на пороге дома Старика.

Это неважно. Ему не нужны родители. Иногда ему хочется их так сильно так сильно так сильно, что наблюдение за семьями на улицах деревни заставляет его зубы болеть, но он знает из всех сказок, что родители не необходимы, в отличие от сердец. Всё, что это значит, это что ему нужно будет работать немного усерднее, чтобы получить то, что другие получают просто так, что ему нужно будет нырять в пропасть и хватать ссаженными ладонями то, что другим дано. Держать крепко-крепко-крепко, это восхищение, это биение в груди.

Ему два с половиной года от роду, и он знает вот что — у него нет очень многого, но у него есть кое-что, чего нет у других детей, что-то, что было ему дано, ему одному и только ему.

Его брата зовут Курама.

***

— И Саске говорит, что он любит тётушку сильнее всех, но, наверное, только после Итачи, а я сказал окей, это нормально, потому что я люблю тётушку сильнее всех, если он не...

— Ты имеешь в виду, что она тебе нравится, — выплёвывает Рама, перебивая, прямо поверх слов Наруто. — Не любишь. Любовь это... — он замирает, замолкает, издаёт непонятный звук. — Твои приставания не считаются.

— Я знаю, что такое любовь, — говорит Наруто, надувая щёки.

Любовь важна, и Наруто знает все важные вещи. Рама это тот, кто тут глупый, из-за рамена, тётушки Микото и любви, хотя он по идее должен был быть самым умным из них двоих. Пёс говорит, что Рама привередливый и своенравный, и всё, и обоих слов Наруто не понимает.

Он не имел в виду нравиться. Он знает, что значит нравиться. В этом смысл. Любить не то же что и нравиться, потому что любовь сильнее.

Когда тебе что-то нравится, это значит, что его могут у тебя забрать, знает он. Что оно может быть выкрадено, что в один день оно может уйти и никогда не вернуться. Любовь это важная эмоция, самое важное слово. Она бессмертна — все книги так говорят. Неважно, дракон там, ведьма или тысяча лет между ними — она никогда не сломается, она никогда не поцарапается, она означает "пока смерть не разлучит нас" или какие там клятвы взрослые любят использовать. Почему ему что-то должно нравиться, если он может это любить? Любовь означает что он никогда не должен будет это отпустить. Это что-то, что он ловит в свободном падении с края этого обрыва, бьющееся сердце в его пальцах, и это фейерверк, вдохновение, новый взрыв-выстрел цвета в его мире.

Это означает: "Ты и я, между нами есть связь, ага? Ты не можешь уйти. Я не позволю тебе уйти, потому что ты теперь мой, потому что я люблю тебя и ты должен любить меня. Я последую за тобой к ведьмам и драконам и на край света, ты и я."

Он знает, что это такое. Он знает, как оно идёт: падение, взрыв-выстрел цвета в его мире. Ему шесть лет от роду под крышей голубого неба, где Киба смеётся и это дыхание, выбитое из его груди; ему пять лет от роду когда Учиха Микото впервые берёт его за руку, пять лет от роду и лето — словно вдохновение, Утиный Зад закатывает глаза, и Итаци говорит: "Любой вкус, какой тебе захочется, Наруто-кун", в кафе-мороженом, пахнущим молоком и сахаром. Ему четыре года от роду, и Пёс поднимает его и дает сесть себе на плечи и тянуть себя за волосы, в восторге крича; ему три года от роду, он в офисе Старика Хокаге, солнечный свет полосами падает сквозь окна, ему...

***

...Ему семь лет от роду. Огни сияют, в его волосах блёстки, и они с Рамой пекут кексы для своей вечеринки в честь дня рождения. Газировка шипит в его желудке, пузырьки поднимаются вверх, и ему так весело, что он готов взорваться этим чувством, ударом-взрывом яркости, вздымающимися фейерверками, взрывающимися, падающими...

И ему...

Ему шесть лет от роду, и Рама учит его другому дзюцу, чакра поворачивается вот так, так и так, следуя ручным печатям, которым он научился раньше из учебников из Академии. Это так круто. Рама знает все лучшие вещи. Рама знает всё. Он говорит, наклоняясь над раминым плечом: "Покажи это ещё раз. Ещё!", звёзды в его глазах кружатся...

И ему...

Пять лет от роду, и он перепуган до самых пяток, потому что Рама замолчал, Рама затих, Рама

не ругается на него или кого-либо, словно кто-то заменил его с одной из этих жутких заводных кукол. Наруто не был так испуган никогда в жизни, с тех пор как Рама в последний раз заболел так сильно, что оказался в госпитале, где они держали его в большой белой комнате целых два дня, куда Наруто не пускали, и это тоже удар-взрыв цвета, болезненных оттенков, коричневых и синячно-голубых, и чёрных, это падать и ломать кости на пути вниз и вниз и...

Четыре года от роду и он пристаёт уже пятнадцать минут, когда Рама наконец шлёпает его книгой по колену и ругается на него всеми плохими словами, которые заставляют Наруто смеяться.

— Ох, ладно, только заткнись, — говорит он, сузив глаза. — Я прочитаю тебе сказку на ночь, но ты должен вести себя тихо.

Победа! Наруто улыбается во весь рот, довольный. Он прижимается к боку Рама, достаточно близко, чтобы чувствовать костистый, острый угол раминоного плеча, видеть веснушки на раминых щеках и носу — словно россыпь звёздочек. Его волосы — малиновая ширма перед его глазами, брови снова хмурятся, пальцы странно ледяные, хотя снаружи сорок градусов и адская жара. Эта картина — секунда, запечатлённая в камне, постоянство. Он достаёт любимую книгу Наруто и начинает читать слова на странице, хирагану, кандзи.

И ему...

Три года от роду, и он бьёт ребёнка, который только что назвал Раму чудиком, потому что он — единственный, кому так можно. Никто не зовёт младшего брата Наруто чудиком, кроме него. Старик никогда не говорит, что он — старший из близнецов, но он всё равно знает. Наруто больше и сильнее, быстрее и может кричать громче. Рама — его младший братишка, кто слишком много хмурится, и слишком много ругается, и слишком много читает, и он — причина, по которой это нормально, что у Наруто нет родителей, даже если это неправильно, даже если он хочет их так сильно, так сильно...

И ему...

Ему два года от роду, и Пёс ушёл, Пёс ушёл опять, ОПЯТЬ. Куда ушёл Пёс, он хочет поиграть, вернется ли он, почему он не возвращается. Наруто не понимает, только что Пёс ушёл, а раньше был здесь, и он цепляется к Рама всю следующую неделю, подозрительный и нервный, потому что если Рама тоже уйдёт, но нет, нет, Рама никогда не уйдёт. Он это знает, правду, что Рама всегда будет здесь.

И ему...

***

Ему год от роду. Но даже перед этим, сквозь туманное облако вещей, которые он помнит-и-не помнит, всегда Курама, в первую очередь Курама. Рама во всех его самых ранних воспоминаниях. Рама и есть его самое раннее воспоминание. Красные волосы, и впалые глаза, и линии его слишком серьёзного лица с незапамятных времён.

И ему...

Шесть лет от роду, и пять лет от роду, и неважно, сколько лет от роду, он бодрствует в тёмной ночи, луна превращает цвет раминых волос в блестяще-ржавый, прижимает свой лоб к другому, более холодному, красный и жёлтый смешиваются, говорит, словно правду, ведомую только маленьким детям: "Люблю тебя, люблю тебя, Рама". Падая снова и снова, удар-выстрел цвета красного и синячно-серого, фейерверк, выбитое из лёгких дыхание. За исключением того, что это единственная вещь, за которую ему не нужно выцарапывать, за которой не нужно нырять, бросаться с обрыва, хватать её ссаженными ладонями, это то, что было ему дано — Курама, который слишком много хмурится, слишком много читает, слишком много ругается, который для Наруто первый и лучший и самый важный всё.

***

Ему семь лет от роду, и сейчас март. Проливной дождь отстукивает дробь по трубам снаружи.

— Мы идём в Ветер, — говорит Рама.

— Лады, — зевает Наруто, переворачивается, даже не замечает множественного числа. "Мы", не "я", всегда было "мы", а не "я", куда Рама вообще мог бы деться без него, ну в самом деле. Никуда, вот куда. Наруто последует за ним мимо ведьм и драконов и на конец света, и через две тысячи сотен базилионнов лет. Рама — нарутин братишка, он никогда, никогда не уйдёт прочь. Он опускает щёку на подушку, а потом — удар-выстрел громок, газировка в его крови — осознаёт. — Мы увидим верблюдов?

О, круто. О, супер, супер круто. Рама всегда даёт ему самое лучшее.

***

Время для путешествия.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1503038>